

ХОСИ СИНЪИТИ

В переводе с японского Игоря Сиренко

СТУА рассказ

Найти его дом было нелегко. Сколько раз приходилось водителю останавливаться и ходить по замусоренным переулкам, наводя справки в табачных ларьках и питейных забегаловках.

– Ну что, разобрался?

На этот мой вопрос вернувшийся из очередного похода водитель ответил с недоуменным видом:

– Да вроде здесь уже недалеко. Не пойму только, почему друг господина президента изволит жить в таком месте.

Я закончил университет и двадцать лет вкалывал, в итоге стал управлять хоть и небольшой, но своей компанией. Похоже, водителю было невдомёк, почему мой друг живёт на отшибе в таком ужасном месте. Я и сам не мог понять, почему он так прогорел.

– Да я и сам не понимаю. Мы с ним в университете учились на одном курсе и были очень близки. Может, оттого что рано лишились матерей. Мы завидовали своим друзьям, у которых матери были живы, рассказывали друг другу о мимолётных, смутных воспоминаниях про своих мам.

– А после учёбы чем изволил заниматься ваш друг?

– Он пошёл работать в торговую компанию. Объездил все европейские и американские страны. Как говорили в бизнес-кругах, был очень активным и предприимчивым. И потому не могу понять, почему он неожиданно уволился и переехал в такое место.

– А вам доводилось с ним встречаться после его возвращения в Японию?

– Да, довольно-таки давно он ко мне пришёл и просил дать денег в долг. Потом уже больше не приходил. И хотя он и приходил просить деньги в долг, у него не было несчастного вида прогоревшего, – наоборот, он всё время улыбался, был такой радостный, да и по внешнему виду нельзя было сказать, что у него какие-то проблемы со здоровьем. Согласись, понять здесь что-либо нельзя. Каждый раз, когда я о нем вспоминал, то начинал сердиться, но благодаря тому, что в тот раз я записал его адрес, сегодня и получилось съездить.

Тем временем машина медленно продвигалась по узенькой улочке и, наконец, остановилась.

– Похоже, это находится здесь, – сказав это, водитель открыл дверь автомобиля. В машину хлынула застойная вонь.

– Ужасное место.

Я вылез из машины, достал из кармана долговую расписку и сверил адрес, указанный в ней, с табличкой, прибитой к дому на дощечке. Это оказался накренившийся дом с дешёвыми съёмными квартирами. Поднявшись по скрипучей лестнице, я стал рассматривать фамилии жильцов. Перед одной из комнат увидел наконец его фамилию.

В ответ на мой стук изнутри донесся знакомый мне голос:

– Заходите.

Я открыл дверь и вошёл. Это была плохо освещённая, грязная комната. В середине её, на стуле, сидел он. Увидев меня с нежностью сказал:

– А, это ты! Давно не виделись. Хорошо, что ты решил меня навестить.

– Да брось ты... Скажи лучше, что случилось, почему ты живёшь в таком месте? Провал на работе? Потерял здоровье?

– Да нет, всё вроде...

Я не дослушал его ответ. По виду, у него не было ни подавленного состояния, ни какой-то измождённости, напротив, было какое-то светлое, невинное выражение, которое никак не вязалось с этой комнатой. Причем, дисгармонировало не только его выражение лица, но и ещё кое-что – стул на котором он сидел.

Это был большой стул с налетом старины, его мягкие изгибы создавали ощущение полноты, контрастирующей с окружающей убогостью.

Я не мог удержаться и спросил:

– Стул неплохой, да?

– Его я приметил и купил в магазине старой мебели в немецкой глухомани, когда ездил в Германию.

На нём действительно сидеть очень удобно.

– В Германию ты ездил как раз перед тем, как уволиться из компании, а почему ты уволился? Тебе ж ещё работать бы да работать.

– Да никакой особо причины не было. Как-то просто расхотелось мне работать, – отвечал он с чувством полного удовлетворения, сидя на стуле.

– Смотрю я на тебя – полная безмятежность. Ты что, денег накопил?

– Нет, разве стал бы я жить в таком месте? Сам можешь догадаться.

Я вспомнил о деньгах, данных ему в долг.

– В таком случае мог бы пойти работать. Тебя с твоими способностями везде бы приняли с распростёртыми объятьями.

– Благодарю за совет, но работать не хочу. Меня сейчас всё вполне устраивает.

Я начал понемногу злиться – из-за лени он загнал себя в такое положение, не вызывающее никакого сочувствия.

– Не думал, что ты докатишься до такой жизни. Похоже, я заблуждался относительно тебя. Полностьюрываю с тобой отношения.

– Вот как, – ответил он, продолжая улыбаться как и прежде. Это окончательно вывело меня из себя.

– А что ты думаешь? Ты скатился на самое дно. Отдавай мне деньги и конец дружбе. Мы общаемся с тобой со времён университета, если бы у тебя были какие-то особые обстоятельства, конечно же, я и не стал бы требовать деньги. Но ты вальяжно сидишь на этом стуле и намерен жить, ничего не делая... Быстро отдавай деньги!!!

– Требуй, не требуй – денег у меня нет!

– Если денег нет – заберу этот стул с собой, – я сделал ударение на последнем слове и тут, у него, впервые, появились признаки беспокойства.

– Погоди-погоди, бери что хочешь, только стул оставь.

Сумма, которую я ему одолжил, была незначительной для меня, но я продолжал закипать.

– Мне что, нужен твой стул? Хорошо бы ты деньги вернул. А если тебе этот стул так дорог, то тогда возвращай деньги.

– Вряд ли получится отдать деньги. Бери что хочешь, но стул не трогай.

Я не соглашался.

– Так дело не пойдёт. Я позабочусь об этом стуле. Со здоровьем проблем у тебя не вижу, со способностями всё в порядке. Тебе надо с головою разобраться, перенастроиться и хорошо бы пойти работать. Тогда сможешь купить таких стульев сколько захочешь.

Похоже было на то, что именно этот стул и был причиной его падения. Чтобы помочь ему перестроиться, надо было забрать у него этот стул.

Ради дружбы я пошёл на грубые действия: выглянул в окно, позвал ожидавшего там шофера, вместе с ним мы сбросили на пол сопротивлявшегося друга и унесли этот стул.

Вот он – этот стул.

Я приказал принести его в мой президентский кабинет. В одиночестве я стал внимательно его рассматривать. Этот старинный стул – с мягкими, плавными линиями словно соблазняя, приглашал меня сесть на него, – я сдался.

Мягкий, пухлый, откуда-то доносилось ощущение тепла. Это ощущение было похоже на то, к чему ты давно стремился.

Я пытался вспомнить это чувство и, наконец, мне удалось. Я понял, что стул и был причиной того, почему мой друг пришёл в такое состояние. Это – было такое же чувство, как испытываемое на коленях у мамы. Это было давно забытое ощущение из детства, сохранившееся где-то в уголке памяти: ты ото всего защищён, на маминых коленках ты забываешь обо всём.

Я закрыл глаза и стал наслаждаться.

– Господин президент, похоже, вы чем-то наслаждаетесь, но уже скоро время начала совещания, – донёсся голос секретарши. Но теперь, совещание... Совещание, да бог с ним... Уйдёшь со стула, вдруг что ещё и произойдёт, да и вообще могу ли я теперь покинуть его...